

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ТЕЛЕВЕДУЩИХ: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГРАММ К. ПРОШУТИНСКОЙ «МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА» И А. КАРАУЛОВА «МОМЕНТ ИСТИНЫ»)

Предметом нашего исследования является речевое поведение ведущих авторских телевизионных программ «Мужчина и женщина» К. Прошутинской и «Момент истины» А. Караулова. Настоящая работа представляет собой попытку анализа языковых особенностей телеинтервью с точки зрения реализации в нем авторской интенции, наиболее убедительным доказательством которой является отбор языковых единиц.

В предлагаемой статье представлен анализ эмоционально-экспрессивной лексики, которая, на наш взгляд, является наиболее показательной для характеристики авторских интенций.

Эмоционально-экспрессивная лексика служит для выражения чувства, настроения говорящего, а также его субъективного отношения к предмету речи [1]. Исходя из нашей концепции, лексические единицы данной группы мы будем рассматривать в рамках стилистически маркированной лексики.

Изучение соотношения оценки с ее объектом составляет особую проблему. Так, оценка приобретает особые прагматические характеристики, если ее объектом является участник акта коммуникации – говорящий (он же чаще субъект оценки) или адресат или если объект входит в сферу интересов того или другого: средства экспрессивной оценки используются главным образом в этих случаях.

Материал нашего исследования подсказывает, что лексические единицы данной группы условно можно разделить на две подгруппы: лексику, выражающую субъективное отношение говорящего к предмету речи, не входящему в личную сферу собеседника [4], и лексику, напротив, выражающую чувства, настроения, субъективное отношение говорящего к предмету речи, входящему в личную сферу собеседника. Под *личной сферой*

Ю.Д.Апресян понимает «тот мир, все объекты которого ощущаются говорящим как близкие ему» [4. С. 28].

Лексика, выражающая отношение говорящего к предмету речи, не входящему в личную сферу собеседника

Лексических единиц данной группы обнаружилось в речи К. Прошутинской сравнительно немного. Из тех, что встретились, это прежде всего разговорная лексика и фразеология без дополнительных эмоциональных наслоений, которая в ситуации общения приобретает оттенок пренебрежения, граничащего с жалостью, как например:

– У меня иногда ощущение что люди / когда уходят в политику / мягко говоря / теряют разум / ощущение реальности / замыкаются / в этой небольшой / ну я не знаю в Думе так / еще где-то / в правительстве и / они не видят что происходит дальше / они не могут говорить ни о чем другом / это *больные люди* //

Либо та же самая лексика приобретает иронические-шутливые оттенки. Ср.:

– Правда что какая-то *сумасшедшая* / для того чтобы Вам было хорошо / развела какие-то розы / а еще где-то сделали фонтан из вина / по-моему / в Лас-Вегасе?

– И что же Вячеслав Петрович / ни одного *толкового* критика за всю вашу жизнь?! (*Смех.*)

Кроме того, в речи К.Прошутинской встретилась лексика и фразеология, не обладающие стилистическим впечатлением, и лексика с переносным значением, которая в контексте реплики ведущей приобретает тональность высокопарности и отчасти патетики.

– Как нужно жить / чтобы *ощутить полноту существования своего на этой земле?*

В. Артемов: Всегда говорили в России / народ озорует! Он такой / ну / он потом покается / и вот это / это его как бы оправдывает //

К. Прошутинская: Будем грешить и каяться //

Встретилась в речи К. Прошутинской эмоционально-экспрессивная лексика, не напрямую, но косвенно связанная с деятельностью собеседника. Так, в диалоге с И. Артемьевым встречаем фразеологизм *дело грязное* (о политике), где прилагательное *грязное* в значении 'вызывающее моральное отвращение; гнусное' [5. С. 354] и вне контекста обладает эмоционально-экспрессивной окраской презрения, отвращения. В контексте же диалога использование данного фразеологизма может служить иллюстрацией момента иллюкутивного вынуждения: К. Прошутинская рассчитывает на опровержение этого тезиса собеседником (что в итоге и происходит), а поэтому и степень интенсивности эмоциональных наслоений, вызываемых данным словом, в ситуации общения несколько нивелируется. Ср.:

(Тема возникает в связи со сменой И. Артемьевым профессии нейрофизиолога на профессию политика.)

К. Прошутинская: Вы знаете / всегда говорили о том что *политика* это все-таки *дело / грязное...*

И. Артемьев: Дело в том что / грязной политику делают люди с грязными руками / а в принципе она может быть и чистой //

К. Прошутинская: Вы считаете что можно в наше время / остаться порядочным человеком / и сделать дело?

И. Артемьев: Я считаю что да //

Продолжая тему о смене приоритетов, К. Прошутинская употребляет слово *вынуть*, которое в контексте реплики приобретает разговорную окраску, хотя в том значении, в котором его использует ведущая, оно не зафиксировано в толковых словарях. Ср.:

– Ну вообще / мне кажется что / люди бывают либо фанатиками в науке и тогда их / ничто не может оттуда / *вынуть* что ли / или люди / понимают что это не их

дело / то есть нейрофизиология это / была / не совсем ваша жизнь что ли?

Складывается впечатление, что это слово возникает спонтанно, ведущая как бы подыскивает нужное и находит именно его. Так или иначе, в контексте реплики оно приобретает эмоционально-экспрессивный оттенок, хотя какой именно, квалифицировать довольно сложно.

А. Караулов использует лексику данной группы в своей речи более интенсивно, чем К. Прошутинская.

Прежде всего следует отметить разговорные лексические единицы без дополнительных эмоциональных наслоений, которые в контексте реплики приобретают грубые коннотации. Ср.:

– Ведь нет движения вглубь / потому что какая-то черта существует в безобразном-то / за которой уже *помойка* / уже *дикость* / уже *чепуха* //

А кроме того, разговорная лексика приобретает в ситуации общения *уничжительный* оттенок. Ср.:

– По-другому спрошу // Памятник Жукову это *чудовище*?

А. Морозов: Эстетика безобразного возникла в тот момент когда все / вокруг казалось так сказать девальвируется / и соцреализм и / а вот это было нечто чистое трогательное / искреннее //

А. Караулов: А вот эти вот *уродцы* Александр Ильич?

Встретилась в речи А. Караулова и эмоционально-экспрессивная лексика и фразеология, придающие контексту реплики ведущего *ироническую* тональность. Вот несколько примеров:

– Борис Александрович / а вот были такие примеры / когда на сцене акте / певец / бог / а в жизни / прошу прощения / он *дурак дураком*?

– Я уж не говорю о том что / однажды про Олега Лобова мой коллега в «Столице» написал / *поносную* статью // Лобов позвал к себе Андрея [НРБЧ] / главного редактора / и автора статьи / и *попивая чаек* им сказал / иногда на улицах / бывает так что *кирпичи на головы падают* //

– Из подлинно замечательных людей / цитату в нашей газете прочесть нельзя / а вот из Хакамады *запросто* //

Встретились в речи А. Караулова и просторечные лексические единицы, приобретающие в ситуации общения оттенок сочувствия. Ср.:

– Нынешняя жизнь *здорово ломает* художников?

Таким образом, проведенный анализ показал, что в целом эмоционально-экспрессивную лексику, выражающую субъективное отношение говорящего к предмету речи, *не входящему* в личную сферу собеседника, ведущие используют не очень часто. Что касается использования стилистически маркированной лексики, то К. Прошутинская, если и делает это, то в основном использует разговорную лексику и фразеологию без дополнительных эмоциональных наслоений. Чаще же используются лексические единицы, не обладающие стилистическим впечатлением, которые приобретают оттенок книжности (высокопарности и отчасти патетики) в своем денотативном значении.

А. Караулов же в основном использует разговорную и просторечную лексику, приобретающую в ситуации общения оттенки иронически-насмешливые, грубые и уничижительные.

Таблица 1

Стилистически маркированная лексика	Караулов	Прошутинская
Книжная	-	12(0,24%)
Разговорная	17(0,34%)	9(0,18%)

Процентное соотношение интенсивности использования в речи обоих ведущих стилистически маркированной лексики выглядит следующим образом.

Указана частота использования исследуемой лексики (в абсолютных цифрах и в % соотношении к 5000 словоупотреблений).

Данные таблицы показывают, что К. Прошутинская для создания эмоционально-экспрессивного оттенка чаще (почти в 1,5 раза) использует книжную лексику, А.Караулов же, напротив, – в

основном использует разговорную лексику, показатели которой почти в 2 раза превышают те же показатели в речи К. Прошутинской.

Таким образом, следует отметить, что К. Прошутинская создает эмоционально-экспрессивную тональность речи за счет использования в основном книжной лексики или нейтральной, приобретающей оттенок книжности (высокопарности и отчасти патетики) в ситуации общения. А. Караулов же – за счет разговорной и просторечной лексики, приобретающей в контексте высказывания иронически-шутливые, грубые и уничижительные коннотации. Единицы книжной лексики он в принципе не использует.

Лексика, выражающая отношение говорящего к предмету речи, входящему в личную сферу собеседника

Лексику данной группы оба ведущих используют в своей речи более интенсивно, что, бесспорно, является демонстрацией реализации авторского намерения на лексическом уровне: вторжение в личную сферу собеседника, так или иначе, влечет за собой определенного рода изменения интенционального состояния адресата, которые, в свою очередь, позволяют составить языковой портрет говорящей личности. Это и является задачей ведущих исследуемых программ.

Довольно частотным для иницирующих реплик К. Прошутинской является глагол *ощущать*, который, не имея пометы в словарной статье, тем не менее придает контексту высказывания оттенок книжности, тем самым К. Прошутинская как бы подчеркивает значимость для нее самой внутренних переживаний и ощущений героя программы. Вот несколько примеров:

К. Прошутинская: Вы знаете я впервые услышала о вас когда вам пришлось / застрелить льва / Кинга когда он / бросился / на человека // Человека вы спасли / а вот героем не стали / но наверное не совсем потому что общественное мнение разделилось // Многие как-то забыли человека / жалели льва // Как вы тогда себя *ощущали*?

В. Артемов: Если около вашего окна останавливается автомобиль / и оттуда неслетя / совершенно невозможное / то вы умираете / ваши уши страдают / ваши / все / внутренности / я понимаю / что мало людей есть / которые понимают это / но увы //

К. Прошутинская: А что Вы *ощущаете* в этот момент?

К. Прошутинская: Вот такая психологическая картина // Вы стоите спиной / к тиграм / они сидят сзади // Что вы *ощущаете* в этот момент? Вы чувствуете что / кто-то из них вдруг заволновался вдруг кто-то готовится к прыжку?

К. Прошутинская: А на сколько вы себя *ощущаете*? Когда вы начали *ощущать* свой возраст?

Оттенок высокопарности приобретают в речи К. Прошутинской не только отдельные лексические единицы, но и целые выражения, тем самым ведущая, с одной стороны, как бы желает подчеркнуть важность персоналии, приглашенной в студию, а с другой – пытается установить эмоциональный контакт с собеседником, создать комфортные условия (ср. «*поглаживание*» [2]) для того, чтобы собеседник «раскрылся» наиболее полно. Вот несколько примеров:

– Это никоим образом плохо о вас не говорит / это говорит о том / что *ничто человеческое вам не чуждо* // А вообще / что *человеческое Вам не чуждо*?

– Мы хотим понять / какие Вы / «*властители наших дум*»?

– Представления о добре / зле / справедливости / в вашем сознании / не претерпело никаких изменений?

– Скажите а вот / случайность которую Вы когда-то назвали ошибкой своей / и которая чуть *не стоила Вам жизни* / тогда когда Вам было 23 года и Вы были тогда / еще / гимназистом // Что произошло тогда?

Что касается разговорной лексики и фразеологии, то в речи К. Прошутинской встретилась только одна единица указанной лексики, которая в контексте высказывания выступает в качестве оценочной характеристики качеств собеседника, по

общему смыслу оцениваемых как положительные. Однако какой именно эмоционально-экспрессивный оттенок она (единица) приобретает в ситуации общения, квалифицировать довольно сложно.

– Вы человек надежный / *сто процентный!*

Таким образом, К. Прошутинская, реализуя свое намерение, если и вторгается в личную сферу собеседника, то делает это очень осторожно, создавая максимально комфортные условия для собеседника, чтобы последний как личность раскрылся наиболее полно. На лексическом уровне это прежде всего выражается в использовании единиц, приобретающих в контексте высказывания оттенок книжности (высокопарности по преимуществу).

Иную модель речевого поведения выбирает для реализации своей интенции А. Караулов. Его речь изобилует разговорными лексическими единицами, приобретающими в контексте высказывания различные коннотации; к примеру, иронические:

– Вы учитесь в юридическом институте заочно / учитесь плохо / *хвосты у вас сплошные* //

– Но вот действительно / Ваши друзья говорят что все равно Спиваков / всякий раз выходя на сцену / Большого зала консерватории в Москве / *трясется как / лист осинный* / как это может быть?

– Ну к вам в [НРБЧ] приезжает / на фестиваль Менухин / Вы *дрожите* / встречая его в аэропорту?

– Вы говорите о Монсерат Кабалье / что это *поющий шкаф* / *обижается* на Вас *Европа*?

Но чаще разговорная лексика и фразеология в контексте реплик ведущего приобретает грубые и отчасти вульгарные эмоционально-экспрессивные оттенки, что, с одной стороны, служит созданию нарочито грубой манеры ведения диалога, а с другой – бесспорно, является средством провокационной тактики ведущего на языковом уровне. Следует отметить, что чаще подобные провокационные выпады достигают своей цели: собеседник, отчасти не готовый к такой тактике, а от-

части задетый подобной грубостью, начинает нервничать, распалиться, забывая и о своем имидже, и о той системе координат, в которой он существует в данный момент, отстаивая свои приоритеты, говорит жарко, убедительно, с предельной искренностью. Именно на это и делает установку А. Караулов: показать истинное лицо своего собеседника. Вот несколько примеров:

– А Вам *не противно* / вот вам и Яковлеву / от того что вы такие честные?

(Речь идет о взятках.)

– А предлагают так вот / *внаглую* / то есть по телефону который там явно кем-то может прослушиваться да / или так приходят с кейсом / кейс забывают?

– А вы уже научились *орать*?

(Речь идет о современном искусстве.)

А. Караулов: А вот на этой картине почему люди голые? Вот он с *тупкой* стоит. Это вот что? Это так надо?

А. Морозов: У художницы есть идея вот такой вот обнаженности и неприкрытости наших судеб / наших коллизий / она имеет право...

А. Караулов: Значит что / *эта тупка плохо нарисована в этой так сказать судьбе? Как-то вот не выписана* / я не прав?

А. Морозов: Не понимаю / если б это был анатомический атлас или же порнографическое / изображение / тогда требование было бы уместно

Интересен тот факт, что иногда для того, чтобы "уколоть" собеседника [2, 3], выбить его из состояния эмоционально-психологического комфорта, А. Караулов использует лексику, имеющую в контексте высказывания налет торжественности и отчасти патетики. В качестве примеров приведем фрагменты диалогов.

В. Спиваков: ... искусство / мне кажется построено на символах...

А. Караулов: Я понимаю / но *нам не дано предугадать* / как наше слово отзовется / как известно / а?

В. Спиваков: Нет нам дано предугадать!

А. Караулов: Борис Александрович / ну / а если вы не нужны / простите Большому

театру / которому *отдана ваша жизнь* / то / значит / Вы *страшное* слово скажу / не нужны России становитесь?

Б. Покровский: Да / дело в том / что ведь такие мысли приходят в голову / я думаю / нашему поколению часто // Потому что / я / например / в большой обиде / это / Вы знаете / я вам говорю такие вещи / которые может быть / не надо говорить / но поскольку ваша передача называется "Момент истины" / я раскрываюсь//

Таким образом, проведенный анализ показал, что в целом эмоционально-экспрессивную лексику, выражающую субъективное отношение говорящего к предмету речи, *входящему* в личную сферу собеседника, ведущие используют интенсивнее, чем лексику, не входящую в личную сферу собеседника.

Что касается использования стилистически маркированной лексики, то К. Прошутинская в основном использует лексические единицы, не обладающие стилистическим впечатлением, но приобретающие в контексте высказывания оттенок книжности (высокопарности по преимуществу). А. Караулов же, напротив, в основном использует разговорную лексику и фразеологию, приобретающую в ситуации общения иронические, грубые и отчасти вульгарные коннотации.

Процентное соотношение интенсивности использования в речи обоих ведущих стилистически маркированной лексики выглядит следующим образом.

Таблица 2

Стилистически маркированная лексика	Караулов	Прошутинская
Книжная	10 (0,2%)	20 (0,4%)
Разговорная	26(0,52%)	1 (0,02%)

Указана частота использования исследуемой лексики (в абсолютных цифрах и в % отношении к 5000 словоупотреблений).

Общие результаты по использованию обоими ведущими стилистически маркированных лексических единиц представлены в табл. 3.

Таблица 3

Указана частота использования исследуемой лексики (в абсолютных цифрах и в % отношении к 5000 словоупотреблений).

Результаты таблицы показывают, что К. Прошутинская использует в своей речи книжную (или стилистически нейтральную, но приобретающую оттенок книжности – высокопарности по преимуществу) лексику в 3 раза больше, чем А. Караулов. Единицы же разговорной лексики и фразеологии ведущая использует крайне редко – почти в 4 раза меньше употребления той же лексики А. Карауловым, причем в контексте высказывания указанные лексические единицы в основном приобретают иронически-шутливые оттенки.

А. Караулов же, судя по результатам таблицы, в основном использует разговорную лексику и фразеологию, приобретающую в ситуации общения грубые и

Стилистически маркированная лексика	Караулов	Прошутинская
Книжная	10 (0,2%)	32 (0,64%)
Разговорная	43 (0,86%)	10 (0,2%)

отчасти вульгарные коннотации. Что касается книжной лексики, то, несмотря на те эмоционально-экспрессивные оттенки, которые она приобретает в контексте реплики ведущего, используется она в основном в качестве средства иллюкативного вынуждения, задача которого – эпатировать собеседника, вынудить заговорить его "своим" языком.

Таким образом, проведенный анализ употребления в речи ведущих эмоционально-экспрессивной лексики показал, что в основном стилистически маркиро-

ванную лексику использует в своей речи А. Караулов, причем это разговорная лексика и фразеология, приобретающая в ситуации общения грубые и вульгарные коннотации. Показательным является и то, что в основном это лексика, выражающая субъективное отношение говорящего к предмету речи, входящему в личную сферу собеседника. Тактика "уколов" и языковых провокаций эксплицирует (и довольно убедительно) основную задачу ведущего – эпатировать собеседника, создать условия неопределенности, в которых собеседник, не видя традиционных способов реагирования, вынужден, как бы защищаясь и отстаивая свои приоритеты, говорить с предельной искренностью, чего и ждет от него ведущий.

К. Прошутинская же в принципе использует стилистически маркированную лексику гораздо реже А. Караулова, если же и использует, то тоже в отношении предмета речи, входящего в личную сферу собеседника, однако это книжная или стилистически нейтральная, приобретающая оттенок книжности лексика, имеющая в контексте высказывания оттенки высокопарности и отчасти патетики. Иными словами, ведущая, если и вторгается в личную сферу собеседника, то делает это очень осторожно, стремясь не разрушить эмоционально-психологическую атмосферу диалога, чтобы собеседник чувствовал себя комфортно и свободно и уверенно вел свою диалоговую партию, что и является задачей ведущей.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. М.; СПб., 1997.
3. Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М., 1987.
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим руководством акад. Ю.Д.Апресяна. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000.
5. Толковый словарь русского языка XX столетия. Языковые изменения / Под ред. Г.Н.Скляревской. СПб., 1998.